

ТАТАРО –
МОНГОЛЫ
В АЗИИ
И ЕВРОПЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТАТАРО-МОНГОЛЫ В АЗИИ И ЕВРОПЕ

Сборник статей

Издание 2-е,
переработанное и дополненное

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1977

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
С. Л. ТИХВИНСКИЙ

Сборник освещает различные события, связанные с завоевательными походами Чингисхана и его преемников в страны Азии и Европы. В статьях показывается, что завоевания татаро-монголами этих стран носили грабительский характер и сопровождались невиданным разрушением производительных сил.

Т $\frac{10603-029}{013(02)-77}$ БЗ-49-8-76

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1977.

И. П. Петрушевский

ПОХОД МОНГОЛЬСКИХ ВОЙСК В СРЕДНЮЮ АЗИЮ В 1219—1224 гг. И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Источники и исследования

Основные источники для изучения завоевания Средней Азии войсками Чингисхана — это прежде всего исторические труды современников — Ибн ал-Асйра (1160—1234) ¹ и Мухаммеда ан-Нисави (Несеви) (годы рождения и смерти неизвестны), написанные по-арабски ², и Минхадж ад-дйна ал-Джузджйни (род. около 1193 г., ум. после 1260 г.) на персидском языке ³. Последние двое были очевидцами и участниками событий; Нисави был секретарем последнего хорезмшаха Джалал ад-дйна, автором его биографии и участником борьбы с монголами ⁴; Ибн ал-Асйр — автор огромного 12-томного исторического свода — важнейшего источника по политической истории стран Ближнего Востока XI—начала XIII в., свой экскурс о монгольском нашествии написал по рассказам очевидцев и беженцев ⁵. Все три автора враждебны «неверным» монгольским завоевателям.

Из произведений, написанных по заданию монгольских ханов — чингисидов или одобренных ими, важнее всего для нашей статьи трехтомный труд 'Алā' ад-дйна 'Ата' Малика ал-Джувейни (1226—1283) «Тāрйх-и джахāнгушāй» («История миропокорителя» — Чингисхана) ⁶ и грандиозный свод Рашид ад-дйна Фазлаллāха ал-Хамадāни (ок. 1247—1318) по всеобщей истории — «Джāми'ат-таварйх» («Сборник летописей»), первая часть которого в трех томах посвящена истории монголов (т. I, ч. 1 — «История монголов до Чингисхана»; т. I, ч. 2 — «История Чингисхана»; т. II — «История преемников Чингисхана»; т. III — Газан-хана) и имеет еще специальное название «Тāрйх-и Ǧāzā-«История монгольских йльхāнов хулāǧуидов в Иране до смерти нй» («Газанова история») ⁷. Эти три тома опубликованы частями, в разных изданиях ⁸. Из части второй «Сборника летописей» изданы пока отдельные куски.

Оба этих труда весьма ценны ⁹, ибо в них использованы многие, в том числе и не дошедшие до нас первоисточники. И Джувейни, и Рашид ад-дин отражают официальную промонгольскую точку зрения: Чингисхан — орудие божьей воли; его жесто-

кость — наказание божье народам и особенно правителям за их испорченность, пороки и несправедливости; хотя Чингисхан и не был мусульманином, но, объединив под своей властью бóльшую часть мира, он тем самым способствовал распространению мусульманской религии в странах Востока и Запада; из чингисидов же одни уже обратились, другие еще обратятся в ислам.

Различие между историками антимонгольскими и промонгольскими практически имеет мало значения для данной статьи, ибо и представители второй группы, при всей их лояльности по отношению к монгольским ханам, не скрывали массовых разрушений, чинимых войсками Чингисхана, и темных сторон монгольского владычества.

Мы не имеем возможности дать здесь подробный обзор советской и западной историографии вопроса. Отметим лишь, что Б. Я. Владимирцов дал явно идеализированную оценку личности Чингисхана и его политики¹⁰. В. В. Бартольд также не чужд идеализации уже не столько личности Чингисхана, сколько его империи и последствий завоеваний. В. В. Бартольд явно недооценивал размеров разрухи, экономического и культурного упадка в результате завоеваний Чингисхана и чингисидов. Поэтому, несмотря на большую ценность трудов В. В. Бартольда и особенно его классической работы «Туркестан в эпоху монгольского нашествия»¹¹, его трактовка последствий монгольских завоеваний не может быть принята¹². Общая оценка исторического значения этих завоеваний в советской историографии остается отрицательной¹³. Она совпадает с оценкой, данной К. Марксом: «Между тем орды совершают варварства в Хорасане, Бухаре, Самарканде, Балхе и других цветущих городах. Искусство, богатые библиотеки, превосходное сельское хозяйство, дворцы и мечети — все летит к черту»¹⁴. Новую оценку личности и деятельности Чингисхана с марксистских позиций дал академик И. М. Майский¹⁵.

Государство хорезмшахов в начале XIII в.

Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219 и следующие годы занимает важное место в серии завоевательных войн, порожденных образованием Монгольской империи Чингисхана. Этот поход стал начальным этапом завоевания монголами стран Западной Азии и Восточной Европы.

Государство хорезмшахов, против которого был направлен этот поход, объединяло бóльшую часть Средней Азии, весь нынешний Афганистан, весь Иран (кроме Хузистана). Оно простиралось от Аральского моря и низовьев р. Сыр-Дарьи на севере до Персидского залива на юге и от Памира и Сулеймановых гор на востоке до гор Загроса на западе. Это был конгломерат стран и народностей, объединенных завоеванием вокруг Хорезма — очень богатой области старинной земледельческой

ирригационной культуры. Экономическое (с X в.) и политическое (с XII в.) значение Хорезма сильно выросло благодаря тому, что столица его Гургандж (Ургенч) стала узлом караванных путей, соединявших Иран и Среднюю Азию со странами Восточной Европы (в частности с Киевской Русью), со степными тюркскими племенами нынешнего Казахстана и с Китаем (через Монголию), складочным местом и биржей транзитной караванной торговли. Но вместе с тем государство хорезмшахов как великая держава было образованием недавним: Хорасан был завоеван в 80-х годах XII в., Западный Иран — в 1194 г., Заамударье (Мавераннахр) — в 1210 г., нынешний Афганистан — к 1215 г. Состав населения этой державы был пестрым, охватывая много разных иранских и тюркских народностей, а также племен, еще не сложившихся в народности, оседлых и кочевых. Вражда между ними, особенно между оседлыми иранцами и кочевыми тюрками, временами принимала острые формы¹⁶.

В государстве хорезмшахов сильно проявлялось недовольство податного сословия (ра'ийатов) — крестьян и горожан — высокими налогами, введенными хорезмшахами, и произволом их сборщиков податей. О последних историк Раванди на рубеже XII и XIII вв. писал: «Они одним росчерком пера покушаются на земельные владения (*амлак*) мусульман и постановляют то, что незаконно, вроде того, что пусть такое-то селение уплатит 100 динаров, такие-то мясники — 50 динаров, такие-то бакалейщики — 100 динаров, такие-то — сукноторговцы — 500 динаров, тот-то — столько-то, а этот — столько-то. И эти служебные записки писцы (*дабиран*) вручают военным начальникам (*сархангайн*), [говоря]: получите это [сра'ийатов] при помощи палочных ударов (*захм-и чуб*)»¹⁷. По рассказу Нисави, назначенный вазиром Дженда (на Сыр-Дарье) Фахр ад-дин Шараф ал-мульк «тиранией и притеснениями возложил на спины раййатов тяжкое бремя»; его помощник (*найб*) доведенные до отчаяния ра'ийаты поймали и, «как утку, изжарили на огне»¹⁸. Насилия и ограбление ра'ийатов военно-феодальной знатью, состоявшей из вождей тюркских кочевых племен, были обычным делом. Мать хорезмшаха Мухаммеда, происходившая из тюркского племени канглы, покровительствовала тюркской военной знати. О них говорит Джувейни: «Сострадание и милосердие было далеко от их сердец; где бы им ни случалось проходить, та область оказывалась разоренной, и ра'ийаты искали убежища в крепостях»¹⁹.

Государство хорезмшахов сильно ослабляли и противоречия в среде господствующего класса феодалов. При феодальной раздробленности султан Мухаммед-хорезмшах (1200—1220) пытался проводить централистскую политику. Часть местных владетельных феодалов, своих вассалов, он низложил; к началу войны с монголами 22 из них находились в заключении в Гур-

гандже²⁰. Эта политика вызывала сильное недовольство провинциальной феодальной знати. К тому же хорезмшах не решился, да и не мог бы низложить самых сильных вассалов, как, например, атабеков Фарса и Луристана. В борьбе с оппозицией местной феодальной знати хорезмшах опирался на гражданскую бюрократию, заинтересованную в создании сильной центральной власти, а также на ополчения тюркских кочевых племен, знать которых была наделена военными ленами (иктā'). Но и эти две группы класса феодалов раскололись на сторонников самого хорезмшаха Мухаммеда, главной опорой которого были туркменские племена, и сторонников враждовавшей с ним его властной матери Теркен-хатун²¹, уделом ее был Хорезм, а опорой — тюркские племена кыпчаков и канглы. Часть мусульманского духовного сословия была недовольна хорезмшахами Текешом (1272—1290) и его сыном и преемником Мухаммедом из-за их вражды и войн с багдадским халифом 'Аббасидом Насиром (1180—1225)²² и из-за убийства по приказу хорезмшаха высокопочитаемого богослова Маджд ад-дйна Багдадй. В восстаниях против хорезмшаха (в Нишапуре и Херате — 1207 г., в Самарканде — 1212 г.) наряду с местными феодалами участвовали и горожане. Положение государства осложнялось еще внешнеполитическими затруднениями — войной с аббасидским халифом Насиром и неудачей похода на Багдад в 1217 г., как и враждебными отношениями с Кучлуком, ханом откочевавших из Монголии на запад найманов, захватившим в 1210 г. Семиречье и Восточный Туркестан. Таким образом, государство хорезмшахов было подлинным колоссом на глиняных ногах. Этим и объясняются быстрота и сравнительная легкость разгрома этой державы монголами.

Хорезмшах и Чингисхан

В. В. Бартольд исследовал и подробно изложил историю возникновения конфликта между хорезмшахом Мухаммедом и Чингисом, приведшего к войне, используя все известные сообщения источников²³. Однако данное им освещение событий далеко не лишено субъективной окраски. Симпатии В. В. Бартольда явно на стороне Чингисхана. Вкратце развитие конфликта изложено так: Чингисхан сперва искренне стремился установить мирные и добрососедские отношения с империей хорезмшаха, поскольку как он сам, так и установившие с ним тесную связь крупные мусульманские купцы из Средней Азии (некоторые из них стали советниками Чингисхана еще во время его войны с Китаем), державшие в своих руках транзитную (через Монголию) караванную торговлю с Китаем, были заинтересованы в безопасности торговых путей и в бесперебойной торговле²⁴. Чингисхан благосклонно принял посольство хорезмшаха и караван купцов, прибывший из его владений, и отправил

хорезмшаху ответное посольство, во главе которого стояли перешедшие на службу к Чингисхану среднеазиатские купцы, и торговый караван из 450 человек, которые «все были мусульманами»²⁵ (1218 г.). Но правитель Отрара (на среднем течении Сыр-Дарьи) Иналчук²⁶ из-за жадности ложно обвинил этих купцов в шпионаже, перебил всех и завладел товарами. Чингисхан же проявил «свою всегдашнюю сдержанность»²⁷ и отправил хорезмшаху новое посольство с требованием выдать Иналчука, обещая сохранить мир. Но хорезмшах отказал и приказал убить главу посольства Кафраджа Бугра (тоже мусульманина — перебежчика из державы хорезмшаха). «Таким образом,— подчеркивает В. В. Бартольд,— поступок хорезмшаха даже с точки зрения современного международного права дал Чингисхану более чем достаточный повод для войны»²⁸. Инициативу войны он целиком приписывает хорезмшаху.

Прав ли В. В. Бартольд в своем заключении? С формальной стороны бесспорно хорезмшах своими безрассудными действиями создал повод для войны. Но если мы пожелаем выяснить не формальный повод, а истинные причины этой войны, нам придется прийти к противоположному выводу: подлинным инициатором войны был Чингисхан. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим сообщения источников об этом конфликте.

Как уже говорилось, В. В. Бартольд использовал рассказы всех известных нам источников. Но он не принял во внимание некоторые детали, приведенные в них. Рассмотрим следующие эпизоды, освещенные в источниках.

1. Рассказ о первом посольстве Чингисхана к хорезмшаху Мухаммеду. Джувейни не упоминает об этом посольстве, он говорит только об отправке каравана, с которым было послано письмо Чингисхана к хорезмшаху. Умалчивает о посольстве и Рашид ад-дин. Подробности о посольстве мы находим у Нисави²⁹. Он рассказывает, что послами были среднеазиатские купцы-мусульмане (следовательно, подданные хорезмшаха) Махмūd Хорезмī³⁰, ‘Али-ходжа Бухāри и Йūsuf Отрāри. Они привезли ценные подарки и письмо Чингисхана, в котором тот извещал хорезмшаха о завоевании монголами Северного Китая (Чин)³¹ и «стран тюрков» и предлагал заключить мирный договор с гарантиями безопасности торговых путей; Чингисхан при этом называл хорезмшаха «дражайшим из сыновей своих». На языке дипломатов того времени государь, назвавший другого государя «своим сыном», тем самым признавал его своим вассалом. Хорезмшах, выслушав послов, призвал к себе ночью Махмуда Хорезми и наедине сказал ему, что он, как хорезмиец, должен быть предан хорезмшаху. Он обещал, если Махмуд скажет правду, оказать ему великие благодеяния и заявил, что он должен стать шпионом (*мунхй*) хорезмшаха и извещать о всех намерениях Чингисхана; хорезмшах подарил Махмуду драгоценный камень из своего ручного брас-

лета (*бāзубанд*). Махмуд согласился (как выяснилось потом, притворно). Хорезмшах спросил Махмуда, правду ли сообщает Чингисхан о том, что он завоевал Китай (Чин) и его империю (*мамлакат-и Тамгājж*)³². Узнав от Махмуда, что это истинная правда, хорезмшах сказал: «Кто такой тот проклятый, что он именует меня сыном? И каково число его войска?» Махмуд, увидя, что «признаки гнева отразились на щеках султана», боясь за свою жизнь, ответил, что по сравнению с войском хорезмшаха войско Чингисхана можно уподобить одному всаднику³³. Тогда хорезмшах дал согласие на мирный договор с владыкой Монголии.

Из рассказа видно, что хорезмшах был раздражен тем, что его подданные-мусульмане взяли на себя роль послов от «неверного» хана монголов (и, значит, перешли к нему на службу), и тем, что последний назвал хорезмшаха своим «сыном», т. е. своим вассалом. Вместе с тем послы, в частности Махмуд Хорезми, могли убедиться в том, что хорезмшах не имел никакого понятия ни о действительном положении империи Чингисхана, ни о его военных силах. Желание хорезмшаха завербовать в шпионы Махмуда — человека, которому, казалось бы, не следовало доверять (как это и подтвердилось позднее), — притом выраженное в столь наивной форме, показывало, что хорезмшах не имел надежных агентов в Монголии. При таком положении дел трудно поверить, чтобы у хорезмшаха могло быть серьезное намерение воевать с Чингисханом, а тем более «завоевать Китай», как предполагал В. В. Бартольд³⁴.

А Чингисхан? В. В. Бартольд полагал, что «Чингисхан в эти годы еще не знал этой слабости (государства хорезмшаха.— *И. П.*) и, как показывают его приготовления к войне, был очень высокого мнения о военном могуществе хорезмшаха»³⁵. Но это невероятно. Принимая во внимание тесные связи Чингисхана со среднеазиатскими крупными купцами, торговавшими с Монголией и Китаем³⁶, а также что в его ставке находились перебежчики из Средней Азии — феодалы³⁷, хорошо осведомленные о внутреннем состоянии державы хорезмшаха, нельзя представить себе, чтобы Чингисхан от этих лиц не мог получить необходимой для него информации за год-два до начала войны³⁸. Напротив, из сообщений источников видно, что Чингисхан настолько ясно представлял себе положение дел в державе хорезмшаха, что знал о разногласиях и глухой вражде феодальных клик хорезмшаха Мухаммеда и его матери Теркен-хатун и, как увидим ниже, сумел потом использовать эту вражду в своих целях.

2. Отрарский инцидент. После возвращения послов Чингисхан отправил в Среднюю Азию торговый караван³⁹, который, как сказано выше, был ограблен и истреблен целиком (только одному человеку удалось бежать и осведомить Чингисхана) правителем Отрара Гайир-ханом Иналчуком (Инал-ха-

ном)⁴⁰ то ли с согласия хорезмшаха⁴¹, то ли самовольно⁴². Наиболее подробное описание этого события мы находим у современника — Нисави: «Инал-хан, который был сыном дяди султана⁴³ и был там (в Отраре) наибом (наместником) султана, имел 20 тыс. всадников, человек с низкой душой, позарился на богатства тех людей (каравана). И он написал султану лживое письмо о том, что эти люди, прибывшие в Отрар, хоть и прибыли в обличье купцов, но они не купцы: они разужнают обстоятельства, которые к их занятию не относятся, и когда видят кого-нибудь из простонародья (*‘авймм*), запугивают его и говорят: „Вы тут сидите беззаботно, а вскоре случится, что к вам придет такое бедствие, что никакая тварь не сможет тому сопротивляться“. Такого рода напраслину он (Инал-хан) взвел на тех несчастных, так что султан повелел, что их следует остерегаться и об истинных обстоятельствах их допросить. Получив это разрешение, [Инал-хан] всех их схватил. И после того о них не было вестей и следы их исчезли. И богатствами их он завладел»⁴⁴.

Джувеини и Рашид ад-дин не упоминают об обвинении Гайир-ханом купцов в шпионаже, а объясняют его действия обидой на непочтительность к нему одного из купцов (индийца — *хиндѹ*) и стремлением завладеть товарами купцов. Эти авторы передают тенденциозную точку зрения придворной историографии чингисидов. Правда, и Нисави объясняет поступок Гайир-хана жадностью и хотя и говорит об обвинении последним купцов в шпионаже и в сеянии паники среди населения, но считает это обвинение ложным. Но и это мнение, на наш взгляд, тенденциозно: Нисави был секретарем последнего хорезмшаха Джалал ад-дина (1221—1231) и вместе со своим патроном крайне враждебно относился к Теркен-хатун⁴⁵. И он старался взвалить всю вину на группировку Теркен-хатун и одного из ее руководителей, ее племянника Гайир-хана.

На наш взгляд, обвинения Гайир-хана против людей каравана, прибывшего в Отрар из Монголии, были небезосновательны. Как видно из рассказа Нисави, Гайир-хан обвинил людей каравана в запугивании жителей «грядущим бедствием», т. е. нашествием монголов. Известно, что распространение массовой паники, дабы убить всякую волю к сопротивлению, было одним из приемов Чингисхана перед началом войны. Автор труда о персидской просодии Мухаммед ибн Қайс Рāзй в предисловии сообщает, что еще задолго до объявления Чингисханом войны хорезмшаху Мухаммеду по городам Средней Азии поползли темные слухи о готовящемся страшном нашествии татар (монголов), и множество людей, охваченных паникой, бежало на запад. Так поступил и сам Рази, бежавший в Фарс⁴⁶. Без сомнения, эти слухи сеялись тайными агентами Чингисхана в Средней Азии, которые, как видно из источников, вербовались больше всего из среды купцов. Сопоставляя приведенные выше со-

общения Нисави и Рази, можно заключить, что прибывшие в Отрар купцы, распространяя панические слухи, выполняли задание Чингисхана.

А обвинение купцов, прибывших в Отрар, в шпионаже также, видимо, не было ложным. Кто такие эти купцы? В. В. Бартольд считает, основываясь на сообщении Джувейни, что все они были среднеазиатскими купцами-мусульманами, возвратившимися из поездки в Монголию. В. В. Бартольд не обратил внимания на одну важную деталь в рассказе Джувейни. Этот историк пишет: «Ко времени возвращения их⁴⁷ он (Чингисхан) повелел своим сыновьям, нойонам и эмирам⁴⁸, дабы каждый из своих племен (*ақвѣм*) нарядил двух-трех человек и дал бы им средства — балыш золотой⁴⁹ или серебряный, дабы они вместе с тем сборищем [купцов] отправились в страну султана, торговали бы и приобрели бы редкие и ценные вещи. Повинуясь приказу, исполнили его, и каждый отправил одного-двух человек из племени (*қаум*) своего»⁵⁰.

Таким образом, отправленный в Отрар караван состоял не из одних среднеазиатских купцов; к ним по приказу Чингисхана были присоединены зависимые люди начальников улусов и племен, т. е. монголы и тюрки, иначе говоря, воины-кочевники⁵¹. Хотя им и было дано задание — купить и привезти ценные вещи, но, вероятно, эти люди, не бывшие купцами, получили и другое задание, о котором тенденциозный рассказ Джувейни не упоминает; этим заданием скорее всего могла быть военная разведка.

Итак, обвинения Гайир-хана могли быть вполне обоснованными. Иначе трудно было бы понять, почему Гайир-хан именно по отношению к этому каравану проявил жадность и решился на такой необычный в мусульманских странах⁵² поступок, как избиение многолюдного каравана. Почему тот же Гайир-хан не обнаруживал таким же образом своей жадности по отношению к караванам, прибывавшим и прежде в Отрар, важный узел торговых путей? Объяснение этому надо искать именно в необычном составе и необычном поведении людей этого каравана.

Кто был инициатором войны?

Нисави сообщает, что, когда к хорезмшаху Мухаммеду снова прибыли послы Чингисхана (вероятно, во второй половине 1218 г.) с требованием выдачи Гайир-хана и с обещанием в этом случае сохранить мир, хорезмшах испугался: «Сильный страх поселился в сердце и внутренностях его»⁵³. Но почему же тогда он не удовлетворил требование Чингисхана? Нисави говорит, что «султан не мог отослать к нему (Чингисхану) Йанал-хана (Гайир-хана)»⁵⁴. Оказывается, Гайир-хан был его двоюродным братом по матери, и выдача его крайне оскорбила бы

«великих эмиров» его войска, его родственников. Но и без того арестовать и выдать Гайир-хана было совсем не просто: у него имелось 20-тысячное войско, сильная крепость и он, конечно, не дал бы себя взять без яростного сопротивления, без мятежа, который поддержали бы многие другие вассалы хорезмшаха. Таким образом, у хорезмшаха не было иного выхода, кроме отказа. Кроме того, по словам Нисави, хорезмшах подумал, что если он даст благоприятный ответ Чингисхану, то это только усилит его требовательность; поэтому хорезмшах, взяв себя в руки, приказал убить неповинных послов, иначе говоря, счел войну неизбежной. Из этого рассказа видно, что Мухаммед не с легким сердцем решился на войну, но был вынужден обстоятельствами.

Судя по рассказу Нисави, у хорезмшаха не было никакого плана ведения войны. Нисави считает, что хорезмшах допустил три главных ошибки: 1) хотя он велел окружить Самарканд стеной длиною в 12 фарсангов⁵⁵ и для этой цели велел собрать досрочно поземельный налог (*харādж*) за 615 г. х. (с 30 марта 1218 г. по 18 марта 1219 г. н. э.), но ко времени прихода татар ничего еще не было сделано; 2) он велел собрать со всего государства подати (*русъм*) за 616 г. х. (с 19 марта 1219 г. по 7 марта 1220 г. н. э.), также досрочно еще в 614 г. х. (с 10 апреля 1217 г. по 29 марта 1218 г. н. э.); эти средства дали возможность собрать и вооружить огромное войско (феодалное ополчение), и «со всех сторон государства знамена султанские двигались к границам»; если бы хорезмшах подождал, пока это ополчение соберется, то это было бы невиданно многочисленное войско; между тем хорезмшах без сражения отступил за Джейхун (Аму-Дарью), когда спешившие к нему войска находились в пути; 3) услышав о выступлении в поход Чингисхана, хорезмшах и те военные силы, какие у него были, распылил и рассредоточил гарнизонами по городам Мавераннахра⁵⁶. И это, по словам Нисави, «была огромная ошибка, ибо если бы он со всем своим войском, прежде чем рассеял его, встретился с татарами, то он, подобно соколу, схватывающему воробья, захватил бы их и корень существования их (татар) вырвал бы с лица земли»⁵⁷. Иначе говоря, по мнению Нисави, хорезмшах должен был собрать свои феодальные ополчения в один большой кулак и дать монголам генеральное сражение, которое благодаря численному превосходству военных сил хорезмшаха было бы им выиграно. Подобный же совет дал хорезмшаху имам Шихаб ад-дйн Хиваки⁵⁸.

Как убедительно объясняют Д'Оссон и В. В. Бартольд⁵⁹, хорезмшах отверг этот план наступательной войны, потому что не доверял своим вассалам и военачальникам. Он опасался не только того, что они на другой же день после возможной победы повернут оружие против него и его династии, но и прямой измены и перехода на сторону врага отдельных феодалов. По-

следнее опасение, как увидим, в ходе войны вполне подтвердилось. Недоверие хорезмшаха к своим вассалам еще усилилось из-за провокационного акта Чингисхана. По наущению заместителя (наиб) вазира тюркских областей (*билād ат-турк*)⁶⁰ Бадр ад-дина Амида, перешедшего открыто к Чингисхану и стремившегося отомстить хорезмшаху Мухаммеду за казнь своего отца, Чингисхан велел составить фальшивые письма, будто бы написанные к нему эмирами—родичами Теркен-хатун, в которых они от имени своих родов и племен (*'ашāi'р ва қабā'иль*) и зависимых людей предлагали свои услуги и обещали выполнить все, что он пожелает. Затем эти фальшивки при посредстве одного из приближенных (вероятно, из тюрков-мусульман) Чингисхана, тайного шпиона, выдававшего себя за перебежчика, были доставлены хорезмшаху. Последний поверил фальшивкам и принял решение рассредоточить свои военные силы под предлогом укрепления обороны городов и областей⁶¹.

Чингисхан предпринял и другой провокационный акт, дабы разъединить силы хорезмшаха. По рассказу Нисави, в последних месяцах 616 г. х. (декабрь 1219 г.—февраль 1220 г.) Чингисхан послал своего приближенного Дāнишманд-хāджиба (среднеазиатского перебежчика) в Хорезм сообщить Теркен-хатун, что он воюет с ее сыном, а не с ней, с предложением заключить мирный договор и с обещанием в этом случае оставить ей Хорезм и Хорасан. Теркен-хатун, конечно, не поверила этому обещанию. Вскоре пришла весть о бегстве хорезмшаха за Аму-Дарью⁶²; она, также охваченная паникой, бросив Хорезм на произвол судьбы, вместе с гаремом и малолетними детьми хорезмшаха и с сокровищами казны бежала в Мазандаран⁶³.

Гибельный план хорезмшаха, основанный на чисто династических, а не государственных побуждениях, обрек войска на пассивную оборону. Сам хорезмшах Мухаммед, как видно из источников, с самого начала войны был растерян, настроен пессимистически; очень скоро пессимизм у него превратился в панику. Никакой активной роли в ходе войны он не играл, фактически не осуществлял командования, предоставив разрозненные гарнизоны городов своей участи.

Из сказанного следует, что Чингисхан, располагая информацией многих мусульманских купцов-шпионов и феодалов-перебежчиков (число которых в ходе войны еще увеличилось), имел ясное представление о внутреннем состоянии и военных силах государства хорезмшаха. Его посольства и мирные предложения хорезмшаху объяснялись не искренним желанием жить в мире с хорезмшахом, а стремлением нейтрализовать его на то время, пока главные силы монгольского войска были заняты покорением Северного Китая. Но к 1219 г. разгром Цзиньской империи и захват бóльшей части ее территории были в основном завершены, и Чингисхан мог приступить к завоева-

нию «западных стран». Даже В. В. Бартольд, при всем его желании представить политику Чингисхана по отношению к хорезмшаху как мирную, все же заключает: «Конечно, нашествие монголов на владения хорезмшаха совершилось бы, может быть, несколько позже и без этого повода» (отрарского инцидента.— *И. П.*). Но, как думает В. В. Бартольд, «в эти годы» (1217—1218) у Чингисхана такого намерения еще не было, ибо он не знал слабости государства хорезмшаха⁶⁴.

Из приведенных сообщений явствует, что это было вовсе не так и что подготовка (с помощью шпионов и перебежчиков) к завоеванию «западных стран» с самого начала была частью завоевательного плана Чингисхана. К началу войны Чингисхан собрал большое войско не потому, что «был очень высокого мнения о военном могуществе хорезмшаха»⁶⁵. Во-первых, он предвидел, что как ни слаба центральная власть в феодально-раздробленном государстве противника, сопротивление на местах могло оказаться очень упорным; во-вторых, очевидно, в планы Чингисхана тогда входил не только захват Средней Азии; он должен был стать лишь начальным этапом завоевания всей Западной Азии и Восточной Европы. Это видно из того, что уже летом 1220 г., тотчас после перехода его войск через Аму-Дарью, Чингисхан отправил 30-тысячный корпус под командованием Чжэбэ-нойона и Субэдэй-багатура, опустошивший Северный Иран, страны Восточного Закавказья и Северного Кавказа, разгромивший аланов, кыпчаков (половцев), русских на р. Калке, Крым, Нижнее Поволжье и через степи нынешнего Казахстана вернувшийся в «коренной юрт» — Монголию уже в 1224 г. Отправление этого отряда можно рассматривать как подготовку к прочному завоеванию названных стран в ближайшие годы. Если бы такого плана не было, то этот четырехлетний рейд не имел бы никакого смысла. К тому же эти еще не завоеванные страны к востоку от Иртыша, Аральского моря и Аму-Дарьи Чингисхан заранее отдал в *улус* (удел) своему старшему сыну Джучи и его потомкам.

В связи с историей конфликта между хорезмшахом и Чингисханом следует коснуться еще одного эпизода. Еще при жизни Чингисхана среди персов было распространено мнение, что 'аббасидский халиф ан-Насир отправил посла к Чингисхану, подстрекая его к нападению на государство хорезмшаха. Ибн ал-Асир писал о халифе ан-Насире: «И если правда то, что приписывают ему персы, именно что он побудил татар напасть на мусульманские страны и что он к ним с этой целью отправлял послов, то он совершил деяние, превышающее самые великие грехи»⁶⁶. Мйрхонд (XV в.) приводит уже подробный рассказ о посольстве халифа к Чингисхану⁶⁷. Макрйзи (ум. в 1442 г.) говорит об этом, как о факте. В. В. Бартольд считает это известие легендарным, основываясь на том, что Ибн ал-Асир передавал только слухи, Мирхонд же — автор поздний; однако, возможно,

что он писал на основе не дошедших до нас первоисточников. Конечно, доказанным этот факт считать нельзя, но он вполне правдоподобен. Если халиф Насир, духовный глава мусульман-суннитов, воюя с хорезмшахом (который не только хотел отнять у халифа его владения, но и не признавал его духовной власти, провозгласив имамом-халифом одного из 'Алидов — своих подданных), не стеснялся предлагать союз «неверному» Кучлук-хану найманскому, гонителю мусульман в своих владениях, то что могло его удержать от попытки натравить на хорезмшаха другого «неверного» — Чингисхана? Конечно, халиф не предвидел, что завоевания монголов распространятся так далеко, что приведут к захвату самого Багдада и к падению халифата. В. В. Бартольд прав, отмечая, что Чингисхан не нуждался ни в каком подстрекательстве. Но посольство халифа (если оно имело место) могло все же оказать влияние на ход событий, ибо послы халифа могли передать ценную информацию о внешнеполитическом и внутреннем положении державы хорезмшаха.

Итак, из сказанного выше можно сделать вывод, что инициатива войны не исходила от хорезмшаха; он не хотел ее и был вынужден к ней обстоятельствами. Инициатором войны по сути дела был именно Чингисхан, хотя он сумел так подготовить ее, чтобы иметь возможность формально возложить вину на хорезмшаха, дабы не выставить себя в глазах мусульманского населения врагом ислама.

Западноевропейские историки⁶⁸ обвиняли хорезмшаха Мухаммеда в слабости, трусости, бездарности. В. В. Бартольд показал, что это мнение неосновательно⁶⁹. От себя прибавим, что в первые 15 лет своего правления Мухаммед проявил себя волевым, энергичным и целеустремленным правителем. Но он стоял во главе феодально-раздробленного и внутренне слабого государства, которое не могло выдержать столкновения с более сильным противником. А. Мюллер допускает, что если бы война между монголами и Хорезмом — неизбежная, по его мнению, — разразилась после смерти Мухаммеда (при последнем хорезмшахе Джалал ад-дине, державшемся в Западном Иране и Закавказье до 1231 г.), то она могла бы иметь иной исход⁷⁰. Но смена хорезмшаха ничего не могла бы изменить.

Причины войны и военных успехов монголов

Империя Чингисхана была создана при активном участии феодализованной верхушки монгольского кочевого общества. Новое государство должно было выражать интересы этой верхушки. А для кочевой знати постоянная война, приносившая наряду с завоеваниями новых земель и военную добычу (боевые кони, скот, оружие, золото, серебро, шелковые ткани, пленники-рабы обоего пола), была как бы частью производственной деятельности. Политическое объединение Монголии привело к

прекращению внутренних межплеменных войн. Оно могло быть поддержано феодализированной кочевой знатью только при том условии, чтобы источник военной добычи — война — не только не прекратился, но, напротив, расширился. И Чингисхан стал на путь внешних завоеваний. Они сулили кочевой знати несравненно более обширные возможности захвата военной добычи и обогащения, нежели при внутренних междоусобицах, и, кроме того, возможности феодальной эксплуатации покоренных богатых и культурных соседних земледельческих стран. Немалым стимулом для внешних завоеваний было и стремление к приобретению новых пастбищ, что опять-таки было важно не столько для малых аратских стад, сколько для больших скотоводческих хозяйств кочевой знати.

Внешние завоевания нужны были феодализированной кочевой знати также для того, чтобы на более или менее длительное время затушевать и ослабить зародившийся в монгольском обществе классовый антагонизм между знатью и зависимой массой кочевников-аратов. Непрерывные войны Чингисхана и его преемников давали возможность держать наиболее энергичную и молодую часть аратов вдали от родины, сковать ее железной военной дисциплиной («Великая Яса» Чингисхана) и внушить ей, что завоевания выгодны также и ей.

Таким образом, не личное честолюбие и жажда славы (конечно, и они проявляли себя, но лишь как побочный мотив) Чингисхана, а реальные интересы возглавляемого им класса побуждали его вести завоевательную политику. Чингисхан понимал, что только такая политика может обеспечить ему верность феодализированной монгольской кочевой знати, удержать ее от измен, заговоров, междоусобий, а созданную им империю — от быстрого распада. Этой цели и должен был служить план обширных завоеваний — сперва завоевание государства тангутов (Си Ся), потом Северного Китая (империя Цзинь), потом Средней Азии и Восточного Ирана, потом Восточной Европы и Западной Азии (из стран последней только Сиро-Египетский мамлюкский султанат оказался способным защитить себя и отбросить монголов за Евфрат), потом Южного Китая (империя Сун). Пределы этих завоеваний не ограничивались, самым важным казалось не прекращать их. Эта политика на протяжении трех поколений поддерживала известное (впрочем, довольно шаткое уже после смерти Чингисхана и создания четырех улусов) единство империи чингисидов. Начало распада ее совпало с прекращением завоеваний.

В чем заключался секрет военных успехов монгольского войска, на первый взгляд столь ошеломляющих? Конечно, значительную роль сыграли военный, дипломатический и организаторский талант Чингисхана⁷¹, как и успехи воспитанных в его степной военной школе полководцев — Чжэбэ, Субэдэя, Мухали, Шиги-Хутуху, Хубилая, Чжэлмэ, Тухачара и др. Но основным

фактором, обеспечившим успехи Чингисхана, было то, что монголы, у которых классовые противоречия были еще слабо выявлены (и, как сказано выше, на время приглушены в ходе завоевательных войн), сравнительно легко могли разбить войска своих соседей — развитых феодально-раздробленных государств, раздираемых внутренними противоречиями. Сопротивление завоевателям на местах очень часто было героическим, но оно было пассивным, разрозненным, не объединенным единым командованием и общим военным планом. В частности, в Средней Азии гарнизоны городов и крепостей, поддержанные горожанами, нередко упорно и храбро сопротивлялись, но были разбиты и подавлены завоевателями порознь. Ополчения тюркских кочевых феодалов (ханов и эмиров) — вассалов хорезмшаха по своим боевым качествам и храбрости не уступали чингисову войску, но у них не было ни крепкой дисциплины, ни единства воли и целей (нередко эти эмиры со своими племенами враждовали друг с другом), ни связи и близости с оседлым городским и сельским населением, которое порою они же сами грабили.

Другой важной причиной успехов Чингисхана было то, что его империя объединила — впервые после распада тюркского каганата VI в. — военные силы наибольшей части кочевников Центральной Азии — не только монгольских, но и многих тюркских, маньчжурских, тунгусских и тангутских племен. Конные ополчения кочевников всегда отличались высокими боевыми качествами и огромной подвижностью, особенно сильно проявлявшимися, когда они оказывались связаны единством командования, военного плана и железной дисциплины.

При завоевании Средней Азии, как мы уже упоминали, монголам немало помогла часть среднеазиатских купцов, служивших информаторами, шпионами и проводниками для военных отрядов. Это была та часть среднеазиатского крупного купечества, которая держала в своих руках караванную торговлю с тюркскими степями, Монголией и Китаем. Они знали, что без покровительства Чингисхана торговля эта стала бы невозможной, и полагали, что объединение под одной властью всей территории от Урала до тихоокеанского побережья должно было обеспечить безопасность караванных путей и рост их торговли.

Местная феодальная знать, и кочевая и оседлая, вместе с монархами, как в Средней Азии, так и в Иране оказалась неспособной хоть на время оставить свои распри, объединиться и оказать стойкое и сплоченное сопротивление завоевателям⁷². К тому же эта знать (в частности, и последний хорезмшах Джалал ад-дин) нередко боялась народных масс и чаще всего даже не пыталась объединить их и возглавить сопротивление. Мало того, многие феодалы довольно легко и быстро подчинялись или даже прямо присоединялись к монгольским войскам либо из ненависти к хорезмшаху Мухаммеду, либо просто ради того.

чтобы сохранить свои земли и феодальные привилегии. Даже часть мусульманского духовного сословия — факихов, недовольная хорезмшахом, легко подчинилась «неверному» завоевателю; эти факихи сыграли прямо предательскую роль при осаде монголами Бухары и Самарканда; шейх ал-ислам в Мерве и казий в Серахсе служили агентами монголов при завоевании ими этих городов. Мервский шейх ал-ислам позволил себе даже во время проповеди с кафедры (*минбар*) в соборной мечети пожелать гибели врагам монголов, вызвав тем возмущение присутствовавших⁷³.

Сообщения источников убеждают нас, что повсюду в Средней Азии, равно как и в Иране и в странах Закавказья, наиболее активными и инициативными борцами против войск Чингисхана были народные массы, главным образом низы городского населения, ремесленники, более сплоченные, организованные в цехи (*аснāф*) и приученные владеть оружием, и городская беднота (*'аййār*). Известна руководящая роль городских низов⁷⁴ в обороне ряда городов, таких, как Сыгнак, Ашнас⁷⁵, Мерв⁷⁶, Герат⁷⁷. Нередко горожане, вопреки воле феодальных верхов, стойко защищали свои родные города, как то было в Сыгнаке. Даже покоренные горожане вновь поднимали восстания — в Мерве и Герате в 1221 г.; в Бухарском оазисе в 1238 г. восстали крестьяне и горожане⁷⁸.

Это объяснялось тем, что политика Чингисхана по отношению к мирному населению завоеванных стран грозила тяжелыми бедствиями именно широким народным массам — крестьянам и городским низам. Их ожидали или массовая резня, или увод в полон и рабство, или — и это еще в лучшем случае, — согласно определению С. П. Толстова, «наиболее жестокие и реакционные, полуарабские формы феодальной эксплуатации»⁷⁹.

Нашествия кочевых завоевателей на культурные оседлые общества, как правило, сопровождались опустошением и ограблением захваченных областей. Но обычно это были стихийные разрушения и избиения людей. А империя Чингисхана с самого начала была несравненно более сплоченным и организованным конгломератом кочевых обществ, нежели объединения прежних завоевателей-кочевников. Поэтому при Чингисхане применялись организованные грабеж и раздел военной добычи, опустошения целых районов и истребление мирного населения. Это была целая система массового организованного террора, проводившаяся сверху (а не снизу, рядовыми воинами, как при прежних вторжениях кочевников) и имевшая целью уничтожение способных к сопротивлению элементов населения, запугивание мирных жителей и создание паники в завоеванных странах.

Обычно завоеватели поступали таким образом. При осаде города пощада (араб. *амāн*) жителям давалась только в случае немедленной сдачи (но и это правило иногда не исполнялось,

если завоевателям это казалось невыгодным). Если город сдавался только после долгого сопротивления, жителей его выгоняли в поле, где они оставались пять-десять дней и более под надзором монгольских воинов. Закончив ограбление города и дележ добычи, они принимались за горожан: военных убивали, семьи их обращали в рабство. Девушек и молодых женщин также обращали в рабынь и делили между знатью и воинами.

Ремесленников и искусных мастеров распределяли в качестве рабов между монгольскими царевичами и знатью (либо уводили в Монголию⁸⁰, либо оставляли для эксплуатации на месте), но их участь была лучше тем, что их часто не разлучали с семьями. Здоровую мужскую молодежь брали в «толпу» (перс. *хашар*, из араб. *хашр*), т. е. для тяжелых осадных работ и обозной службы, а во время сражений «людей толпы» ставили впереди войска, делая их мишенью для выстрелов их же соотечественников. Остальным жителям позволяли вернуться в их разоренные жилища.

Не лучше было и положение сельчан. «Всякий раз,— писал Нисави,— как татарский отряд, числом, положим, в тысячу всадников, опустошал какой-нибудь округ, он собирал крестьян, каких находил в селениях, и отводил их к главному городу округа. Там крестьян заставляли ставить баллисты (*манджйнк*, араб.) и рыть окопы, пока город не будет взят»⁸¹.

Если же город удавалось взять только штурмом после упорного сопротивления или если в уже покорившемся городе вспыхивало восстание, монгольские полководцы производили «всеобщую резню» (араб.-перс. *қатл-и 'амм*), а оставшихся жителей, выгнав их предварительно в поле, делили между воинами, которые обращали их в рабство. Арабские и персидские источники приводят не менее трех десятков случаев «всеобщей резни». Так было в Отраре, Сыгнаке, Ашнасе, Термезе, Нисе, Балхе, Нишапуре, Сабзаваре, Тусе, Гургандже, Герате (при вторичном взятии после восстания)⁸² и в других местах. Порою вместе с городами вырезывались и их сельские округа⁸³. После резни пленных писцов заставляли подсчитывать число убитых. По словам Джуейни, после резни в Мерве подсчет убитых продолжался 13 дней⁸⁴.

Достоин внимания, что жестокости Чингисхана и его полководцев не только картинно изображают историки антимонгольского направления (Ибн-ал-Асир, Нисави, Джузджани, Сейфи), но не замалчивают и промонгольски настроенные историографы чингисидских ханов (Джуейни, Рашид ад-дин и др.). Это объясняется тем, что и сам Чингисхан не стеснялся хвалиться своими жестокими актами. Джузджани приводит рассказ очевидца Вахйд ад-дйна Бұшанджи, ученого казия гарчистанского, побывавшего в плену у монголов и одно время зачисленного в свиту Чингисхана. Последний однажды в кругу при-

дворных расхвастался по поводу того, что вот, мол, какие славные деяния совершил он, Чингисхан, перебив и уничтожив такое несметное количество людей⁸⁵.

Ход завоевания монголами Средней Азии

Прежде чем обрушиться на государство хорезмшаха, Чингисхану пришлось весной 1219 г. уничтожить эфемерное государство Кучлук-хана найманского, который в 1210 г. в союзе с хорезмшахом Мухаммедом разгромил державу кара-китаев (Западное Ляо), получив при этом на свою долю Семиречье и Восточный Туркестан. Но Кучлук для этих стран был чужаком, его найманские воины, размещенные на постой в домах жителей, угнетали их. Вдобавок буддист Кучлук начал гонение на ислам — религию большинства населения этих стран и запретил отправление мусульманского культа⁸⁶, от жителей он требовал принятия либо буддизма, либо христианства⁸⁷. Правление Кучлука вызвало всеобщую ненависть населения. Учитывая это, Чингисхан запретил своим войскам повальный грабеж и резню во владениях Кучлука. Войскам Чингисхана не стоило большого труда быстро разгромить царство Кучлука и уничтожить его найманских воинов, тем более что Чингисхан здесь, как и везде, неизменно придерживался политики полной веротерпимости и покровительства духовенству.

Лето 1219 г. Чингисхан со своими войсками провел на Иртыше, готовясь к вторжению в Среднюю Азию. Точная численность его войска (как и хорезмшаха) неизвестна: приводятся цифры очень различные, порою фантастические⁸⁸. В. В. Бартольд определял общую численность войска Чингисхана от 150 до 200 тыс. Однако эта цифра может относиться только к ополчениям собственно Монголии⁸⁹. Но к 1219 г. Чингисхан располагал уже и ополчениями вассалов-тюрков — Арслан-хана карлукского, уйгурского йиджүта Барчука и др. Однако значительная часть войска (62 тыс.) находилась в Китае, часть же должна была оставаться, как это обычно делалось, в Монголии для охраны семейств и стад. Учитывая все это, можно думать, что вторгнувшееся в Среднюю Азию монгольское войско вместе с ополчениями вассальных владетелей (которые могли привести самое большее несколько десятков тысяч)⁹⁰ не превышало 120—150 тыс. человек. Число воинов, размещенных хорезмшахом по городам одного только Мавераннахра, Нисави определяет в 100 тыс.⁹¹.

Поход начался в сентябре 1219 г. Часть войска во главе с сыновьями Чагатаем и Угэдзем Чингисхан выделил для осады Отрара; другой отряд во главе со старшим сыном Джучи он послал для завоевания городов по нижнему течению Сыр-Дарьи; третий отряд во главе с Алак-нойоном был назначен для покорения городов по верхнему течению Сыр-Дарьи. Осада Отра-

ра заняла пять месяцев. Гайир-хан, знавший, что ему нечего ждать пощады, защищался отчаянно со своими «подобными львам» воинами. Но посланный хорезмшахом ему на помощь Карача-хаджиб пал духом и изменил. Он со своим отрядом покинул город через ворота, в которые тотчас же вошли монголы. Для взятия цитадели (*хисār*) понадобился еще месяц. Когда и цитадель была взята и все ее защитники погибли, Гайир-хан с двумя оставшимися воинами продолжал сражаться на кровле дворца; когда не осталось стрел и оба его товарища пали, он продолжал бросать в монголов кирпичи, которые рабыни (*канйзакāн*) подавали ему со стены дворца. Когда не осталось кирпичей, монголы, окружив его, схватили и казнили⁹².

Отрар пал в феврале 1220 г. Между тем отряд Джучи в течение зимы 1219/20 г. взял один за другим города по нижнему течению Сыр-Дарьи. Его сопровождали местные купцы, Хасан-ходжа и 'Алй-ходжа, еще до войны поступившие на службу к монголам. Хасан-ходжа был послан в Сыгнак уговорить жителей сдаться, но «злодеи, чернь и бродяги» (*шарйрйн ва аубāш ва рунūd*) там умертвили предателя и оказали врагам храброе сопротивление. После семидневного непрерывного боя Сыгнак был взят, население вырезано целиком⁹³. Затем были взяты Узгенд⁹⁴ и Барчилигкент, где население не оказало сильного сопротивления, поэтому всеобщей резни там не было. Но Ашнас, где верх взяли «бродяги и чернь», т. е. городские низы, оборонялся упорно, и большинство жителей было истреблено⁹⁵. Дженд был покинут войсками хорезмшаха во главе с Кутлук-ханом,— через степь они бежали в Хорезм. Город был без сопротивления захвачен монголами и разграблен; на время грабежа жителей выгнали в поле на девять дней, но убили только немногих⁹⁶.

Падение Бухары и Самарканда

До этих событий, зимой 1219/20 г., Чингисхан с младшим сыном Тулуем и главными военными силами двинулся от Отрара прямым путем через пустыню (ныне Кызылкум) и Бухаре. По пути небольшие городки Зернук и Нур покорились. Жителям оставили жизнь, но из Зернука молодежь была взята в «толпу», а в Нуре город разграбили, жителей выгнали в поле и позволили вернуться после того, как они выплатили сумму своего годовичного налога — 1500 динаров; серьги из ушей женщин дали половину этой суммы⁹⁷.

Перед стенами Бухары Чингисхан появился неожиданно в феврале (согласно Ибн ал-Асиру и Джузджани) или в начале марта (согласно Джувейни) 1220 г. Начальник оставленного в Бухаре хорезмшахом гарнизона (тюрки-кочевники) Как-хан с частью воинов сразу же бежал и потом присоединился к хорезмшаху⁹⁸. Другая часть гарнизона во главе с тремя ханами и

частью жителей вечером того же дня покинули город, но на берегу Аму-Дарьи монголы настигли и истребили их всех. На другой день духовное сословие и знать (*а'имма ва ма'ариф*) открыли городские ворота и вышли навстречу Чингисхану. Тем самым они предали горожан, неожиданно сдав город без переговоров. Соборная мечеть была занята монголами и осквернена, списки Корана были разбросаны по двору мечети, а сундуки, в которых эти списки хранились, сделались корытами для корма монгольских коней; имамы, шейхи, сеййиды, 'улемы и муджтахиды должны были выполнять роль конюхов при конюшнях. Чингисхан велел составить списки богачей; в них внесли 280 человек (190 горожан и 90 иногородних, укрывшихся в Бухаре); их обязали отдать все свои богатства и назначили людей из горожан для выявления и сбора богатств в городе. Часть воинов хорезмшаха из тюрков-кочевников заперлась во внутренней цитадели (*хисār*). Чингисхан приказал жителям города взять цитадель своими силами; но «так как горожане, насколько было возможно, уклонялись от битв и ночных атак, то Чингисхан приказал зажечь город; поскольку дома во всем городе были деревянные⁹⁹, то большая часть города в несколько дней сгорела, кроме соборной мечети и некоторых зданий из жженого кирпича»¹⁰⁰. Тогда жителей Бухары снова погнали на штурм цитадели, которая наконец была взята. Тюркские ханы, вожди племен, знать и рядовые воины были все убиты¹⁰¹, а их дети и жены уведены в рабство. Укрепления были скрыты, все горожане выгнаны на время в поле. Чингисхан «подарил им жизнь», но юноши и мужчины зрелого возраста были взяты в «толпу» (*хашар*) для осады Самарканда и Дабусии¹⁰². Из-за разрушения города жители рассеялись по окрестностям. Когда у одного бухарца, бежавшего в Хорасан, там спросили о судьбе Бухары, он ответил кратко: «Пришли, разрыли¹⁰³, сожгли, перебили, увели в неволю и ушли»¹⁰⁴.

Таков приведенный рассказ Джувейни. Рассказ Ибн ал-Асира, использовавшего рассказы очевидцев, во многом совпадает с рассказом Джувейни: упомянуты и осквернение соборной мечети и списков Корана, и вымогательство богатства у горожан (Ибн ал-Асир прибавляет: пытками и истязаниями). Но он сообщает и такие факты, которых нет у Джувейни,— жители Бухары были выгнаны в поле: «И они вышли из города, лишившись своего имущества: ни у одного из них не осталось ничего, кроме платья, какое было на нем». Чингисхан приказал воинам разделить между собою жителей Бухары, иначе говоря, обратить их в рабство. «Они (татары),— говорит Ибн ал-Асир,— поделили их, и был это день ужасный из-за обильного плача мужчин, женщин и детей. Разбрелись они в разные стороны и были истерзаны как лохмотья; и женщин они (татары) поделили между собою». По словам Ибн ал-Асира, татары насильовали доставшихся им женщин тут же на глазах

у горожан, которые «смотрели и плакали», ибо не могли ничем помочь. Но имам Руки ад-дин с сыном и казий Садр ад-дин, не стерпев зрелища массовых насилий над женщинами, бросились на насильников и бились с ними, пока не были убиты. Бухара была разрушена до основания, «как будто ее вчера и не было»¹⁰⁵.

У В. В. Бартольда идеализация монгольского государства проявляется, между прочим, в том, что он, передавая рассказы источников, смягчает их. Так, он почти целиком пропускает драматический рассказ Ибн ал-Асира, не упоминает об обращении жителей Бухары в рабство, а вместо рассказа о массовых насилиях над женщинами говорит только, что монголы «позволяли себе насилия над женщинами»¹⁰⁶. Говоря о сожжении Бухары, В. В. Бартольд пишет: «Едва ли есть основание предполагать, что сожжение города входило в планы Чингисхана; пожар был почти неизбежен при разграблении города... вследствие скученности построек»¹⁰⁷. А между тем Джувейни прямо говорит, что Чингисхан «повелел зажечь кварталы [города]»¹⁰⁸. Мы привели здесь два примера, но надо сказать, что у В. В. Бартольда и все изложение истории вторжения войск Чингисхана в Среднюю Азию рисуется в смягченном виде по сравнению с мрачными рассказами источников, даже промонгольских (Джувейни и Рашид ад-дин).

После взятия Бухары Чингисхан двинулся к Самарканду с войском, ведя за собою осадную «толпу» из бухарских пленников¹⁰⁹, «которые шли за ним пешком, в самом гнусном виде; всякого, кто уставал или изнемогал от ходьбы, убивали»¹¹⁰. Самарканд, имевший большой гарнизон, включавший, помимо тюркских воинов хорезмшаха, также вооруженных горожан¹¹¹, мог бы защищаться долго. Но воля к борьбе была только у городских низов. По рассказу Джувейни, тюркские воины под начальством Алп-Эр-хана сделали вылазку и нанесли урон монголам. Но современник событий Ибн ал-Асир рассказывает иное: «Выступили против них (татар) смельчаки из жителей его (города), да люди крепкие и сильные, но не вышел с ними ни один из войска хорезмийского (тюрков), оттого что в их сердцах был страх перед этими проклятыми (татарами). Сразились с ними пешие [горожане] вне города. Татары не переставали отступать, а жители городские преследовали, надеясь одолеть их, но неверные завлекли их в засаду»¹¹². Попавшие в засаду горожане были перебиты все. Этим воспользовались верхи духовного сословия и знать Самарканда. Шейх ал-ислам, казий и имамы без ведома горожан договорились о сдаче города, выговорив свободу и безопасность только для себя и близких к ним или зависимых от них людей. Всех пощаженных людей было около 50 тыс.¹¹³. Предатели открыли ворота, и горожане неожиданно увидели монгольских воинов в городе. Алп-Эр-хан с тысячью тюрков прорвался сквозь окружение монголов и

бежал. Еще тысяча храбрецов заперлись в мечети в цитадели и сражались до последнего человека. Остальные тюркские воины хорезмшаха (среди них тюрки-канглы) со своими ханами и эмирами сдались после того, как Чингисхан обещал принять их к себе на службу, но в следующую за тем ночь все они были перебиты (будто бы 30 тыс.), их жены и дети обращены в рабство. Много горожан было убито в городе; уцелевших от меча (кроме упомянутых выше 50 тыс., находившихся под покровительством шейх ал-ислама) выгнали в поле и, по монгольскому обычаю, сосчитали; женщины были изнасилованы¹¹⁴; 30 тыс. ремесленников были розданы в качестве рабов сыновьям и родичам Чингисхана¹¹⁵, такое же число юношей и здоровых мужчин взяли в «толпу». Остальным горожанам Чингисхан позволил выкупить свою свободу за 200 тыс. динаров и вернуться в город¹¹⁶, где был поставлен монгольский правитель¹¹⁷.

Оборона Ходженда

На примере Бухары и Самарканда видно, что и сдача города не всегда спасала людей от повального ограбления и рабства. В других взятых монголами городах происходили подобные сцены. По словам Нисави, если бы рассказывать об этом подробно, то рассказы были бы совершенно одинаковы, пришлось бы только изменять имена осаждавших полководцев и названия осажденных крепостей¹¹⁸. Поэтому мы не будем дальше рассказывать подробно о судьбе отдельных городов, остановимся лишь на выдающейся благодаря исключительному героизму обороне Ходженда¹¹⁹. Отряд монголов, отправленных для покорения областей по верхнему течению Сыр-Дарьи, взяв Фенакет (Бенакет)¹²⁰, где была произведена обычная расправа над жителями, подошел к Ходженду. Здесь город с небольшими силами храбро защищал эмир Тимур Мелик. По словам Джувейни, это был такой герой, что если бы богатырь Рустам (герой «Шāхнāме») жил в его время, то мог бы быть только его стремянным (букв. «носителем попоны»). Тимур Мелик, когда защищать город уже не стало сил, с тысячью храбрецов, не желавших склонить голову перед врагом, перенес оборону в укрепленный замок, стоявший на островке между двумя рукавами Сыр-Дарьи. Стрелы и камни баллист не долетали до замка. Чтобы взять замок, было послано 20 тыс. монголов и 50 тыс. «толпы» из юношей, согнанных издалека (из Отрара, Бухары, Самарканда); этой молодежи было приказано таскать камни с горы, лежавшей в 3 фарсангах (около 20 км) от реки, дабы построить дамбу. Но Тимур Мелик приготовил 12 барж, обтянутых сырым войлоком, с верхом, обмазанным глиной, пропитанной уксусом; благодаря этому баржи были неуязвимы для стрел и зажигательных снарядов из нефти. Ночью люди Тимур Мелика на этих баржах разрушали ту часть плотины, какую мон-

голам удавалось возвести за день. Вскоре оборона острова стала невозможной. Тогда Тимур Мелик, приготовив 70 судов, погрузив на них людей, оружие и провиант, ночью, при свете факелов поплыл вниз по реке. По обоим берегам двигались конные монголы и метали в храбрецов стрелы и сосуды с горящей нефтью. Отстреливаясь, воины Тимур Мелика доплыли до Дженда. Там монголы по приказу Джучи навели понтонный мост, оснащенный баллистами. Тимур Мелик с горстью соратников вышел на берег и, преследуемый по пятам монголами, уходил от них через пустыню Кызылкум. Когда последние из его воинов были убиты, он остался один, имея всего три стрелы. Три монгола настигали его. Пустив стрелу, он ослепил одного монгола, а двум другим сказал: «У меня есть еще две стрелы, как раз хватит для вас. Лучше уходите и спасайтесь!» Напуганные монголы повернули вспять, и Тимур Мелик добрался до Хорезма ¹²¹.

В мае 1220 г. почти вся Средняя Азия до Аму-Дарьи была в руках завоевателей. Оставленные хорезмшахом в городах гарнизоны к тому времени были уничтожены. Хорезмшах Мухаммед не дал монголам ни одного сражения и сидел в бездействии в Келифе на берегу Аму-Дарьи. Услышав о приближении монголов, он бежал в Иран под благовидным предлогом сбора нового феодального ополчения. В погоню за ним был послан отряд Джэбэ и Субэдэя, но так и не догнал его. После бесполезных скитаний по Ирану, ничего не сделав для организации обороны, охваченный паникой, он думал теперь только о спасении своей жизни. Вместе с сопровождавшим его старшим сыном Джалал ад-дином и небольшой свитой он укрылся на пустынном островке у юго-восточного побережья Каспия, где и умер от воспаления легких в конце декабря 1220 г. Еще раньше, летом 1220 г., крепость в Мазендаране, где укрылась Теркен-хатун, сдалась монголам из-за недостатка воды ¹²². Теркен-хатун и женщины султанского гарема были отправлены в Монголию. Летом и осенью 1220 г. монголы под началом Тулуя взяли Мерв, Тус, Нишапур, Балх и другие города Хорасана; во всех этих городах была произведена «всеобщая резня» ¹²³. Лето 1220 г. Чингисхан провел в окрестностях Несефа: на кочевках. Осенью Чингисхан взял приступом Термез, все жители которого были вырезаны ¹²⁴. Зимой 1220/21 г. Чингисхан был на берегу Аму-Дарьи.

Завоевание Хорезма

Осенью 1220 г. военными действиями был еще не затронут Хорезм: эта богатая земледельческая область со всех сторон защищалась пустыней и Аральским морем. В Хорезме командование войсками перешло к герою Ходженда Тимуру Мелику. Его войска разбили подходивших к Гурганджу (Ургенчу) мон-

голов во главе с Джучи. В январе в Ургенч прибыл Джалал ад-дин, к которому перешел титул хорезмшаха и султана, с братьями. Он был единственным способным полководцем и правителем и мог бы в дальнейшем успешно организовать и возглавить сопротивление войскам Чингисхана, который, как стало ясно, не собирался ограничиться завоеванием Средней Азии. Но в Хорезме уже после бегства Теркен-хатун началась борьба феодальных клик за власть. Эти клики, особенно враждебная Джалал ад-дину клика сторонников Теркен-хатун, не желали видеть во главе государства сильного человека, каким был он, отказывались повиноваться ему, и он едва избежал покушения на свою жизнь. Видя невозможность организовать оборону Хорезма, Джалал ад-дин вместе с Тимуром Меликом и отрядом в 300 воинов покинул Хорезм, пересек пустыню Каракум и ушел в Хорасан, а оттуда — в нынешний Афганистан, чтобы там создать очаг сопротивления войскам Чингисхана.

В Гургандже тем временем мужественные горожане¹²⁵ энергично готовились к борьбе. Но не было предводителя. Взявшая верх клика сторонников Теркен-хатун провозгласила султаном и хорезмшахом ее родича, тюркского эмира Хумар-тегина, человека бездарного и трусливого¹²⁶. Прочие предводители были настолько ничтожны, что, по словам Джувеини, не стоило перечислять их по именам¹²⁷. Между тем к городу приближались монголы. Так как Гургандж, один из самых многочисленных городов Востока, был хорошо укреплен, для осады его Чингисхан направил очень большие силы. Сперва подошли корпуса под командованием Чагатая и Угэдя, потом корпус во главе с Джучи и еще отдельные отряды; все они вели за собой «толпы» из пленных юношей для осадных работ. Жаждавшие боя городские низы сделали вылазку. Но монголы, по своему обычаю, обратились в притворное бегство, завлекли горожан в засаду, часть их перебили и, преследуя остальных, ворвались в городские ворота. Горожане бились целый день и изгнали вторгшихся врагов. Тогда монголы перешли к осаде по всем правилам¹²⁸. Осада затянулась из-за разногласий между военачальниками. Джучи, который вообще считался противником отцовской политики массовых разрушений и массового уничтожения населения¹²⁹, хотел сохранить богатый город с его населением (тем более что Хорезм должен был достаться ему в удел) и предложил горожанам сдаться, обещая им жизнь и свободу¹³⁰. Чагатай же был против любых послаблений жителям. Но горожане не хотели и слышать о сдаче.

Когда руками «толпы» в течение десяти дней были засыпаны ров вокруг городских стен и каналы, а баллисты стали разрушать стены¹³¹, «ложный султан» Хумар-тегин, объятый страхом, открыл ворота и сдался монголам¹³². Монголы ворвались в город. Но жители с беспримерным мужеством защищали каждый квартал и каждый дом. По словам Ибн ал-Асира, «бились муж-

чины, женщины, дети и не прекращали биться таким образом, пока они (татары) не завладели всем городом»¹³³. «Жители города,— рассказывает Джувейни,— укрепились в улицах и кварталах; на каждой улице они начинали бои, и около каждого прохода устраивали заграждения. Войско [монгольское] сосудами с нефтью сжигало их дома и кварталы и стрелами и ядрами сшивало людей друг с другом»¹³⁴. Когда город был захвачен, уцелевших жителей выгнали в поле. Отделили и увели в рабство ремесленников (по Джувейни, более 100 тыс.), а также молодых женщин и детей, а прочих жителей разделили между воинами, причем, по Джувейни, на долю каждого воина пришлось будто бы по 24 человека¹³⁵, и всех перебили «топорами, кирками, саблями, булавами»¹³⁶. После этого монголы открыли плотины, вода Аму-Дарьи хлынула и затопила весь город, так что и спрятавшиеся в разных укрытиях люди погибли, и «из жителей ни один не уцелел»¹³⁷.

Завоеванием Хорезма в 1221 г., собственно, и завершились военные действия монголов в Средней Азии. Дальнейшая война с участием самого Чингисхана в 1221—1222 гг. велась уже на территории Хорасана, Афганистана и на берегах Инда. Осенью 1222 г. Чингисхан вернулся в Самарканд. Он пробыл в Средней Азии до весны 1224 г., на лето откочевал на берега Иртыша, а в 1225 г. вернулся в Монголию.

Мы не будем останавливаться на истории борьбы с монголами последнего хорезмшаха Джалал ад-дина (1221—1231), поскольку она протекала вне пределов Средней Азии (сперва в нынешнем Афганистане, Индии, потом в Западном Иране, Азербайджане и Курдистане). Скажем лишь несколько слов о нем. Джалал ад-дин был талантливым полководцем, отличался храбростью и несгибаемой волей. Но он воевал силами тюркских кочевых ополчений, недисциплинированных и нередко изменявших ему. Он не был способным политиком: не понял необходимости опереться в борьбе с завоевателями на народные массы, особенно на ополчения горожан, проявивших себя самыми стойкими борцами против «неверных» завоевателей. Вместо того чтобы стараться создать против империи чингисидов коалицию государств Передней Азии и Закавказья, Джалал ад-дин затеял войны с этими государствами, как с христианским (Грузия), так и с мусульманскими (айубиды в Армении, сельджукиды Малой Азии, Багдадский халифат). В этих мелких войнах он истощил свои силы и, когда нахлынула вторая волна монгольского нашествия, был разгромлен и погиб в горах Курдистана (август 1231 г.)¹³⁸.

Последствия завоевания монголами Средней Азии

Первым последствием монгольского завоевания было резкое сокращение населения: одни были перебиты, другие уведены в рабство, третьи погибли от голода и эпидемий — неизбежных спутников вражеского вторжения столь широкого масштаба. Китайский путешественник Чан-чунь (1222 г.) отмечал опустошение и голод в Средней Азии. В Самарканде оставалась только четверть прежнего населения, окрестные крестьяне голодали, а из разоренных крестьян образовались «шайки разбойников», т. е. партизанские отряды, и в Самарканде каждую ночь видно было зарево пожаров¹³⁹. По словам Джувеини, Самаркандская область совсем запустела оттого, что отсюда несколько раз требовали людей в «толпу», и никто назад не вернулся¹⁴⁰. А между тем положение Самарканда было лучше в сравнении с Бухарой. Бухарский оазис между 1238 (восстание Тараби) и 1316 г. пять раз подвергался разорению¹⁴¹. В 30-х годах XIV в. путешественник Ибн Баттута нашел Бухару разрушенной и малонаселенной¹⁴².

Из опубликованных О. Д. Чехович документов (вакфных грамот) видно, что в Бухарском оазисе оставались сплошь развалины замков, мечетей, селений, запустевших и выкорчеванных садов и виноградников еще в начале XIV в.¹⁴³. Такая же картина наблюдалась и в других районах Средней Азии.

Огромный экономический упадок земледельческих областей и городской жизни Средней Азии — бесспорный факт. К сожалению, из-за отсутствия местных хроник этого периода мы не располагаем большим количеством конкретных фактов. Напротив, для Ирана XIII в. мы имеем много показаний местных источников, дающих яркую и полную картину хозяйственного упадка страны. Поскольку экономические последствия завоевания Чингисхана в Средней Азии и в Иране были, в общем, аналогичны, мы подробнее остановимся на этом в другой нашей статье, помещаемой в настоящем сборнике. Можно лишь сказать с уверенностью, что экономика обеих этих стран и позднее, до начала XIX в., никогда не достигала того уровня, на каком она находилась в начале XIII в.

Одним из экономических последствий монгольского завоевания было возрождение рабовладельческого уклада в феодальном обществе — следствие обращения в рабство многих сотен тысяч людей. Часть из них, обращенные в рабство ремесленники, эксплуатировались на месте в особых мастерских (перс. *kārḫāne*). Персидский историк Ваcсāф (XIV в.) сообщает, что около 1260 г. новая перепись в Бухаре выявила 5 тыс. человек, принадлежавших потомкам Батыя, 3 тыс. — вдове Тулуй-хана Сойуркутени и 8 тыс. — великому хану¹⁴⁴. О мастерских, где

работали ремесленники-рабы, в Бухаре и Самарканде, Вассаф упоминает еще дважды¹⁴⁵.

Чингисиды установили в Средней Азии, как и в Иране, более жестокие формы феодальной зависимости и более высокие нормы феодальной эксплуатации крестьянства. Опять-таки, поскольку мы располагаем огромным материалом источников (в том числе и документальных) о положении крестьян при монгольском владычестве в Иране, и этот вопрос будет рассмотрен во второй статье в настоящем сборнике. Здесь мы приведем одну цитату из Рашид ад-дина, относящуюся к Средней Азии 50-х годов XIII в.: «И так как деяния тирании (*зульм*) и притеснения (*та'адди*) усилились, то крестьяне (*дахāкйн*) от множества отягощений, требований [податных сумм] и обременения чрезвычайными налогами (*'авāриз*) дошли до крайности, вплоть до того, что дохода (*махсūль*) от урожая (*иртифā'āt*) не хватало и на половину требуемых податных сумм»¹⁴⁶. Налоговая политика — главная причина того, почему разрушенная в результате завоевания экономика страны не могла быть восстановлена.

Страна не могла оправиться от разрухи времен завоевания еще и потому, что завоеватели не сумели установить ни твердой власти, ни законности, ни прочного мира. Хотя Средняя Азия до Аму-Дарьи вошла в улус чагатаидов, потомки Джучи и Угэдэя боролись за отдельные ее части. Междоусобные войны царевичей — претендентов на престол улусного хана и поддерживавших их клик кочевых феодалов не прекращались вплоть до прихода к власти Тимура. Войны эти сопровождались грабежами, разорением городов и сельских округов. Восточный Туркестан, который, как было сказано, даже Чингисхан запретил грабить, в 60—70-х годах XIII в. был опустошен¹⁴⁷.

Отчасти из-за этих постоянных междоусобий, отчасти из-за упадка ремесленного производства в городах надежды связавших свою судьбу с Чингисханом крупных среднеазиатских купцов на то, что объединение ряда стран под единой властью приведет к созданию безопасности караванных путей и к процветанию караванной торговли, оправдались лишь в минимальной степени и только на первое время после завоевания; торговые сношения с Китаем остались ограниченными¹⁴⁸.

Еще одним последствием монгольского завоевания была инфильтрация в Средней Азии больших масс кочевников — не столько самих монголов (из монгольских племен здесь поселились джалаиры у Ходженда, барласы на Кашка-Дарье, каучины в верховьях Аму-Дарьи и орлаты к югу от верхнего течения Аму-Дарьи), сколько пришедших с ними тюркских племен из Восточного Туркестана и нынешнего Казахстана. Это вызвало сокращение площади земледелия и усиление кочевого скотоводческого сектора экономики за счет оседлого земледелия. Уже миссионер В. Рубрук, проезжавший через Семиречье в 1253 г.,

говорил об упадке здесь земледельческой культуры, о превращении обработанных земель в пастбища кочевников и об исчезновении ряда городов¹⁴⁹. В течение XIII в. земледелие в Семиречье совсем исчезло и уступило место кочевому быту. Монголо-тюркская кочевая знать стала политически руководящей группой класса феодалов и оставалась ею вплоть до конца XVIII в. (в Бухарском ханстве) и до начала XIX в. (в Хиве). Также и все династии, правившие в Средней Азии вплоть до присоединения ее к России, происходили из тюркизованных монгольских или тюркских кочевых племен.

¹ Ибн ал-Асйр, ал-Кāмиль-фй-т-тāрйх, ed. C. J. Tornberg, t. I—XII, Lugdunum Batavorum (Лейден), 1851—1876 (араб. текст).

² Нисавй, Сйрат ас-султāн Джалāl ад-дйн Манкубиртй, ed. O. Houdas; «Histoire du sultan Djelal ed-din Mancobirti», vol. I (араб. текст), vol. II (франц. пер.), Paris, 1891—1895. Персидская версия (сост. ок. 1260 г.) издавна проф. Моджтебā Миновй, Тегеран, 1344, г. с. х. (1965).

³ Джужд жāнй, Табақāt-и Насирй: «The Tabaqat-i Nasiri of... al-Jawzjani», ed. W. Nassau-Lees, Calcutta, 1864 (перс. текст).

⁴ Свою службу Джалāl ад-дину и свои приключения после гибели последнего Нисавй описал в другом своем труде «Нафсат ал масдūr». К данной статье он почти не имеет отношения, и мы поэтому на него не ссылаемся.

⁵ Ибн ал-Асйр, Ал-Кāмиль-фй-т-тāрйх, т. XII, стр. 233—328; русский перевод В. Г. Тизенгаузена см. СМИЗО, т. I, СПб., 1884, стр. 1—45.

⁶ Персидский текст: «The Tarikh-i Jahangusha...», ed. Mirza Muhammed ibn Abd al-Wahhab Qazwini, pts 1—3, Leiden—London, 1912—1937, — GMS, XVI. Английский перевод: «The History of the World-Conqueror by Juvaini», transl. J. A. Boyle, vol. I—II, Manchester, 1958. В данной статье мы ссылаемся лишь на персидский текст.

⁷ Названа так в память Газан-хана монгольского (правил 1295—1304), по заданию которого была написана; закончена в 1310—1311.

⁸ Библиография публикаций см. в кн.: С. А. Storey, Persian literature, History, sect. II, fasc. I, London, 1935, стр. 72—79. См. также библиографию в кн.: В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, — Сочинения, т. I, изд. 2, М., 1963, стр. 637—638. Персидский текст и русский перевод: Рашид ад-дин, История Чингисхана от восшествия его на престол до кончины, изд. И. Н. Березина, — ТВОРАО, ч. XIII, СПб., 1888, а также: Рашид ад-дин, Сборник летописей, т. I, кн. 2, пер. О. И. Смирновой, под ред. А. А. Семенова, М.—Л., 1952.

⁹ Труд Джувеини написан одновременно с произведением Джужджани в 1260 г., хотя и независимо от него. Но Джужджани был современником похода Чингисхана, тогда как Джувеини основывался на письменных источниках и отчасти на рассказах старших современников. Книга Рашид ад-дина во многом отличается от труда Джувеини, поскольку оба автора пользовались разными монгольскими первоисточниками (см. J. Boyle, Juwayni and Rashid ad-din as sources on the history of the Mongols, — в сб. «Historians of the Middle East», ed. B. Lewis and P. M. Holt, London, 1962, стр. 133—137). Но в описании завоевания монголами Средней Азии Рашид ад-дин почти текстуально воспроизводит рассказ Джувеини, поэтому мы здесь почти не ссылаемся на него.

¹⁰ Б. Я. Владимирцов, Чингис-хан, Берлин — Пг. — М., 1922. Эта идеализация уже незаметна в более поздней книге: Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм, Л., 1934.

¹¹ Первое издание — СПб., 1900; второе, дополненное — Сочинения, т. I, М., 1963.

¹² См. об этом: И. П. Петрушевский, Предисловие,— в кн. В. В. Бартольд, Туркестан..., стр. 32—33.

¹³ Перечень работ советских историков, в которых дана общая оценка монгольского завоевания, см. в кн. В. В. Бартольд, Туркестан..., стр. 530, прим. ред. I.

¹⁴ К. Маркс, Хронологические выписки,— Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 221.

¹⁵ И. М. Майский, Чингис-хан,— «Вопросы истории», 1962, № 5, стр. 74—83.

¹⁶ По словам Джувейни («Тарих-и джахангушай»,— GMS, т. II, стр. 193). уже во время войны с монголами гурские эмиры заявили наместнику хорезмшаха в Герате: «Мы гурцы, а вы — тюрки, мы вместе жить не можем».

¹⁷ Раванди, Рахат ас-судур, перс. текст, изд. Мухаммеда Эгбала, Лейден — Лондон, 1921,— GMS, стр. 32; ср. стр. 37, 395.

¹⁸ Нисави, Сират ас-султāн..., араб. текст, стр. 102—103, франц. пер., стр. 170—171; перс. версия, стр. 135—136.

¹⁹ Джувейни, Тарих-и джахангушай, т. II, стр. 198.

²⁰ Перечень этих лиц см. в кн. Нисави, Сират ас-султāн..., араб. текст, стр. 38, франц. пер., стр. 65; перс. версия, стр. 57.

²¹ У арабских и персидских авторов — Туркан-хатун.

²² Владения которого ограничивались Ираком Арабским и Хузистаном.

²³ В. В. Бартольд, Туркестан..., стр. 460—474.

²⁴ Там же, стр. 461—462, 467.

²⁵ Там же, стр. 465.

²⁶ У Нисави — Йанал-хан.

²⁷ В. В. Бартольд, Туркестан..., стр. 466.

²⁸ Там же, стр. 467.

²⁹ Нисави, Сират ас-султāн..., араб. текст, стр. 33—34; франц. пер., стр. 57—59; перс. версия, стр. 49—50.

³⁰ Впоследствии известный под прозвищем Ялавāч (т. е. «Посол»); после монгольского завоевания он одно время был наместником в Мавераннахре (Междуречье Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи) великого хана Угэдэя.

³¹ Т. е. Цзиньской империи чжурчженей (1115—1234).

³² *Тамгач-хāн* — обычное у тюркских народов титулование китайского (в данном случае — цзиньского) императора.

³³ Нисави, Сират ас-султāн..., араб. текст, стр. 33—34; франц. пер., стр. 57—59; перс. версия, стр. 49—50.

³⁴ В. В. Бартольд, Туркестан..., стр. 460.

³⁵ Там же, стр. 467.

³⁶ Помимо Махмуда Ялавача, 'Али-ходжи Бухари и Йусуфа Оттари, Хасан-ходжи и других, источники называют еще поставленных Чингисханом во главе отправленного им каравана и, следовательно, преданных хану мусульманских купцов 'Омар-ходжу Оттари, Джамала Мараги, Фахр ад-дина Ди-заки-йи Бухари, Амин ад-дина Хереви (из Герата) и ряд других.

³⁷ Данишменд-хаджиб. Вазир в Отгаре Бадр ад-дин 'Амид, ненавидевший хорезмшаха за казнь отца, был агентом Чингисхана, по-видимому, еще до начала войны.

³⁸ В. В. Бартольд относит это посольство к 1218 г. Но оно могло быть и в конце 1217 г. (тогда после возвращения хорезмшаха из неудачного похода на Багдад).

³⁹ В. В. Бартольд полагает, что караван был отправлен Чингисханом одновременно с посольством. Нам представляется невероятным, чтобы Чингисхан решился послать караван до возвращения послов, сообщивших о согласии хорезмшаха на мир.

⁴⁰ *Гаййр-хāн* — тюркский вариант арабского слова *Кāдир-хāн* («Могущественный хан»).

⁴¹ Ибн ал-Асйр, Ал-Кāмил фй-т-тарйх, т. XII, стр. 237; СМЗО, т. I, стр. 5; Джувейни, Тарих-и джахангушай, т. I, стр. 60—61.

⁴² Согласно Нисави, султан разрешил только допросить людей каравана.

⁴³ Со стороны матери Теркен-хатун.

⁴⁴ Нисави, Сират ас-султāн..., араб. текст, стр. 34, франц. пер., стр. 59; перс. версия, стр. 50—51. Об обвинении людей каравана в шпионаже упоминает также Джузджани, стр. 337.

⁴⁵ Нисави, говоря о Теркен-хатун, прибавляет: «Да проклянет ее бог» («Сират ас-султāн», араб. текст, стр. 38, франц. пер., стр. 66; перс. версия, стр. 57).

⁴⁶ Muhammed ibn Qais ar-Razi, Kitāb al-mu'jam..., ed. E. G. Browne, Leiden—London, 1910,—GMS, XI, стр. 3* (перс. текст).

⁴⁷ Т. е. прибывшего в Монголию каравана среднеазиатских купцов во главе с Ахмедом Ходженди.

⁴⁸ Т. е. своим вассалам — военачальникам, бывшим в то же время главами монгольских племен или их колен.

⁴⁹ Золотой *балыш* = 300 динарам. См. В. В. Бартольд, Туркестан..., стр. 541, прим. 2.

⁵⁰ Джувейнй, Тārīх-и джахангушай, т. I, стр. 60.

⁵¹ Там же, стр. 59. Правда, Джувеини к этому рассказу прибавляет: «Собралось 450 мусульман». Эта фраза и ввела в заблуждение В. В. Бартольда. Но эта фраза явно противоречит тому, что сказано у Джувеини выше: зависимые люди монгольских царевичей и нойонов не могли быть все мусульманами, как не могли быть и все купцами. Джувеини, писавший 40 лет спустя, не мог иметь точных сведений о составе каравана. В повествовании Джувеини обращает на себя внимание еще одна несуразность, не замеченная В. В. Бартольдом. Во главе каравана, прибывшего в Монголию, стояли купцы Ахмед Ходженди, сын эмира Хусейна (?) и Ахмед Балчйч, а когда тот же караван (вместе с людьми, собранными из владений вассалов Чингисхана) отправился в обратный путь и прибыл в Отрар, то во главе его оказались уже другие купцы: 'Омар-ходжа Отрари, Джамаль Марāги, Фахр ад-Дин, Дизāки Бухāри (из Дизака близ Бухары) и Амйн ад-дйн Херевй (из Герата). Об Ахмеде Ходженди и его сотоварищах упоминаний больше нет ни у Джувеини, ни у Нисави.

⁵² Караваны всегда пользовались покровительством властей и оберегались в мусульманских странах, не только потому что транзитная и внешняя торговля обогащала города и правительства (от таможенных пошлин), но и потому что часть феодалов была связана с караванной внешней торговлей; часть доходов от феодальной ренты передавалась в виде вкладов крупным купеческим компаниям, а те возвращали феодалам долю их прибыли товарами. О примерах такого участия феодалов в караванной торговле см. в переписке Рашид ад-дина «Мукāтабāt-и Рашйди», изд. перс. текста проф. Мухаммеда Шафй', Лахор, 1364—1945, стр. 183—193, 238, 282—289 (письма № 34, 36, 47). См. также: И. П. Петрушевский, Феодальное хозяйство Рашид ад-дина, — «Вопросы истории», 1951, № 4, стр. 102.

⁵³ Нисавй, Сират ас-султāн..., араб. текст, стр. 34; франц. пер. стр. 60; перс. версия, стр. 52.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Т. е. около 78—80 км. Такая стена должна была защитить не только город, но и его сельскую округу.

⁵⁶ Нисавй, Сират ас-султāн..., араб. текст, стр. 35—37; франц. пер., стр. 61—63; перс. версия, стр. 53—54. Там же приведен список городов, в которых были размещены гарнизоны, их численность и имена их начальников.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Ибн ал-Асйр, Ал-Кāмиль фй-т-тārīх, стр. 237; СМИЗО, т. I, стр. 6.

⁵⁹ C. D'Ohs on, Histoire des Mongols, t. I, стр. 212; В. В. Бартольд, Туркестан..., стр. 472—474.

⁶⁰ Это были степи тюркских кочевых племен, в источниках именовавшиеся тогда Туркестаном; точнее, имелись в виду степи между Янком и низовьями Сыр-Дарьи.

⁶¹ Нисавй, Сират ас-султāн..., араб. текст, стр. 37—38, франц. пер. 63—65; перс. версия, стр. 55—56. Нисави говорит, что измена Амида имела место после взятия Отрара монголами, но, видимо, это произошло еще раньше, как

думает и В. В. Бартольд («Туркестан...», стр. 474), судя по тому, что, по словам Нисави, именно эти фальшивки побудили хорезмшаха рассредоточить свои военные силы. А это решение было принято им в начале войны.

⁶² Это произошло в апреле (по Джувейни) или в мае (по Джузджани) 1220 г.

⁶³ Нисави, Сират ас-султāн..., араб. текст, стр. 38, франц. пер., стр. 65; перс. версия, стр. 56—57.

⁶⁴ В. В. Бартольд, Туркестан..., стр. 467.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Ибн ал-Асир, Ал-Кāмилъ фй-т-тāрих, т. I, стр. 287. Ср. С. D'Ohssoп, Histoire des Mongols, t. I, стр. 211; А. Мюллер, История ислама, пер. Н. А. Медникова, т. III, СПб., 1896, стр. 223. Посольство халифа к Чингисхану могло быть в 1217 г., когда войска хорезмшаха шли на Багдад.

⁶⁷ Мирхонд, История Чингисхана, изд. ELOV, Paris, 1841, стр. 102—104 (перс. текст).

⁶⁸ С. D'Ohssoп, Histoire des Mongols, t. I, стр. 212 и сл.; А. Мюллер, История ислама, т. III, стр. 223—226.

⁶⁹ В. В. Бартольд, Туркестан..., стр. 474.

⁷⁰ А. Мюллер, История ислама, т. I, стр. 223.

⁷¹ В упомянутой статье акад. И. М. Майского «Чингисхан» (стр. 78—80) хорошо показано, в чем именно проявилось личное влияние Чингисхана в создании Монгольской империи и ее военно-политической организации.

⁷² Ибн ал-Асир (Ал-Кāмилъ фй-т-тāрих, т. XII, стр. 324; СМИЗО, т. I, стр. 39) говорит: «Мы не видим между царями мусульманскими никого, в ком было бы желание вести священную войну или вступить за веру; нет, каждый из них только предается своим забавам, увеселениям и притеснению своих подданных. А это, по моему, страшнее врага!»

⁷³ Джувейни, Тāрих-и джахāнгушāй, т. I, стр. 121—122.

⁷⁴ Источники обычно называют их: 'авāмм (араб. «простонародие»), аубāш (араб. «чернь»), рјунуд (перс. «бродяги»), 'айāрāн (араб.-перс. «подонки»).

⁷⁵ Джувейни, Тāрих-и джахāнгушāй, т. I, стр. 67—68.

⁷⁶ Там же, т. I, стр. 121.

⁷⁷ Джузджāни, Табақāt-и Нāсирй, стр. 350; Сейфи Херевй, Тāрих-нāме-йи Херāt, изд. перс. текста проф. Мухаммед-Зубейра ас-Сиддиқй, Калькутта, 1944, стр. 72—82.

⁷⁸ Джувейни, Тāрих-и джахāнгушāй, т. I, стр. 85—90; А. Ю. Якубовский, Восстание Тараби, 1238 г.,— Труды ИВАН, т. XVII, М.—Л., 1936.

⁷⁹ См. С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948, стр. 318.

⁸⁰ Сейфи, Тāрих-нāме-йи Херат, стр. 107—109.— Автор приводит рассказ о тысяче шелкоткачей, увезенных из Герата при первом его взятии (1221 г.) в качестве рабов с семьями в Монголию, где их поселили, обязав поставлять определенное число шелковых одежд для ханской ставки.

⁸¹ Нисави, Сират ас-султāн..., араб. текст, стр. 52, франц. пер., стр. 92; в персидской версии (стр. 79) текст несколько изменен. «Если нападала тысяча всадников (монголов), они приводили две-три тысячи сельских жителей и заставляли их [ставить] баллисты, пробивать стены и делать подкопы [при осаде]».

⁸² Подробнее см. в работе: И. П. Петрушевский, Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв., М.—Л., 1960, стр. 32, 40, 67—71. Книга издана в персидском переводе: И. П. Петрушевский, Кишāварзй на мунāсабат-и арзй дар Ирāн-и ахд-и моғуль, тт. I—II, Тегеран, 1344—1966 (перевод Керима Кишаварза, изд. Тегеранского университета).

⁸³ По словам Сейфи (стр. 83), в городе Херате после резни 1222 г. осталось только случайно уцелевших 40 человек, да и в сельском округе сохранилось не больше ста человек (там же, стр. 183). Подробно см. И. П. Петрушевский, Труд Сейфи как источник по истории Восточного Хорасана,— Труды ЮТАКЭ, т. V, Ашхабад, 1955, стр. 130—162.

⁸⁴ Джувейни, Тәріх-и джахангушай, т. I, стр. 128.

⁸⁵ Джузджани, Табақат-и Нәсіри, стр. 352—354.

⁸⁶ Джувейни, Тарих-и джахангушай, т. I, стр. 52—56. Рашид ад-дин и Мирхонд повторяют рассказ Джувейни.

⁸⁷ Обе эти религии были распространены среди найманов. Согласно Джувейни («Тарих-и джахангушай», т. I, стр. 52), Кучлук был сперва христианином (несторианином), но потом обратился в буддизм.

⁸⁸ Согласно Джузджани («Табақат-и Нәсіри», стр. 338) — 800 тыс. монгольских воинов.

⁸⁹ В. В. Бартольд, Туркестан..., стр. 472. Население всей Монголии в то время едва ли могло быть намного больше миллиона человек; поскольку все мужчины были воинами начиная с 15 лет, общая цифра военнообязанных 200 тыс. довольно правдоподобна. Но это было именно число военнообязанных, а не число воинов, которых одновременно можно было вывести в поход.

⁹⁰ Арслан-хан карлукский привел 6 тыс.

⁹¹ Нисави, Сират ас-султән..., перс. версия, стр. 54.

⁹² Подробный рассказ об осаде Отрара см. у Джувейни, Тәріх-и джахангушай, т. I, стр. 62—66. Рашид ад-дин повторяет тот же рассказ, сильно сократив его. У Нисави рассказа об осаде Отрара нет. По Нисави («Сират ас-султән», араб. текст, стр. 37; франц. пер., стр. 63; перс. версия, стр. 54), Чингисхан велел влить расплавленное серебро в уши и глаза пленному Гайрихану. У Джувейни и Рашид ад-дина этой подробности нет, говорится просто о казни Гайрихана.

⁹³ Джувейни, Тәріх-и джахангушай, т. I, стр. 67.

⁹⁴ Местоположение этого города неизвестно. Это не мог быть известный Узгенд, лежавший в верховьях Сыр-Дарьи (на р. Кара-Дарья) близ Оша в Фергане.

⁹⁵ Джувейни, Тәріх-и джахангушай, т. I, стр. 67—68.

⁹⁶ Там же, стр. 68—70.

⁹⁷ Там же, стр. 76—79.

⁹⁸ Джувейни передает слух, что Кок-хан был монгол, ранее бежавший от Чингисхана и перешедший на службу к хорезмшаху («Тәріх-и джахангушай», стр. 80).

⁹⁹ Собственно глинобитные с деревянными каркасами и перекрытиями, как обычно строили в Средней Азии.

¹⁰⁰ Джувейни, Тәріх-и джахангушай, т. I, стр. 82.

¹⁰¹ Там же, стр. 83. По словам Джувейни, их было «более 30 тыс. человек» (видимо, считая и убитых раньше); по Ибн ал-Асиру, в цитадели заперлось только 400 тюрок.

¹⁰² Джувейни, Тәріх-и джахангушай, т. I, стр. 79—85.

¹⁰³ Т. е. разрыли все дворы и подвалы сожженных зданий, разыскивая зарытые в землю деньги и ценности (обычный в то время прием завоевателей).

¹⁰⁴ Джувейни, Тәріх-и джахангушай, т. I, стр. 83.

¹⁰⁵ Ибн ал-Асир, Ал-Камиль фй-т-тәрих, т. XII, стр. 238—240; СМАЗО, т. I, стр. 8—10.

¹⁰⁶ В. В. Бартольд, Туркестан..., стр. 478. Курсив наш. При такой передаче создается впечатление, что речь шла лишь о единичных актах произвола, а не о судьбе чуть ли не всего женского населения города.

¹⁰⁷ В. В. Бартольд, Туркестан..., стр. 478.

¹⁰⁸ Джувейни, Тәріх-и джахангушай, т. I, стр. 82.

¹⁰⁹ Ибн ал-Асир, Ал-Камиль фй-т-тәрих, стр. 240; СМАЗО, т. I, стр. 10.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ По Джувейни, в городе было 60 тыс. тюрокских воинов хорезмшаха и 50 тыс. таджиков (вооруженных горожан) при 20 слонах. По Ибн ал-Асиру, воинов хорезмшаха было 50 тыс., по Нисави — 40 тыс.

¹¹² Ибн ал-Асир, Ал-Камиль фй-т-тәрих, т. I, стр. 241; СМАЗО, т. I, стр. 11. По Ибн ал-Асиру, погибших самаркандцев было 70 тыс.; по Джувейни — 50 тыс.

¹¹³ Эта цифра не вызывает удивления. Так, в г. Балхе четвертая часть горожан — 50 тыс. — принадлежала к духовному сословию; это были, помимо собственно духовных лиц с их семьями, их слуги и челядинцы, зависимые от них люди, студенты медресе и сейиды — потомки пророка ('Алиды). См. А фла ки, Житие Джалал ад-дина Руми, — в кн. Cl. Huart, Les saints des derviches, — tourneurs, t. I, Paris, 1918, стр. 15.

¹¹⁴ Ибн ал-Асйр, Ал-Камиль фй-т-тәйрх, т. XII, стр. 241; СМИЗО, стр. 11.

¹¹⁵ О рабах-ремесленниках см. ниже.

¹¹⁶ Число их могло быть до 50 тыс., судя по тому, что Чань-чунь (ТЧРДМ, т. IV, СПб., 1866, стр. 326 и сл.), посетивший Самарканд в 1222 г., в своих записках сообщает, что в Самарканде осталось 100 тыс. — четверть прежнего населения (400 тыс.); вероятно, из них 50 тыс. были люди, связанные с шейх ал-исламом, а остальные 50 тыс. — выкупившие свою свободу.

¹¹⁷ Джувейнй, Тәйрх-и джахәнгушай, т. I, стр. 90—96. Датировка взятия Самарканда у Джувейни (май—июнь 1220 г.) невероятна, так как, по словам того же автора, Чингисхан после взятия Самарканда провел весну близ города. Верной следует считать датировку Ибн ал-Асира (между 8 марта и 6 апреля 1220 г.) или Джузджани (19 марта 1220 г.).

¹¹⁸ Нисавй, Сйрат ас-султән, араб. текст, стр. 54; франц. пер., стр. 96; перс. версия, стр. 82.

¹¹⁹ Ныне Ленинабад.

¹²⁰ Джувейнй, Тәйрх-и джахәнгушай, т. I, стр. 70—71.

¹²¹ Там же, стр. 71—73.

¹²² Согласно Нисави («Сйрат ас-султән...», араб. текст, стр. 46; франц. пер., стр. 88; перс. версия, стр. 58—59), из-за необычной для климата Мазандарана засухи (в течение четырех месяцев не было дождя), по Джувейнй («Тәйрх-и джахәнгушай», т. II, стр. 198—199), в крепости 10—15 дней не было воды; оба автора пишут, что тотчас после сдачи пошел дождь. О судьбе Теркен см. также: Ибн ал-Асйр, Ал-Камиль фй-т-тәйрх, стр. 243; СМИЗО, т. I, стр. 13—14.

¹²³ Подробные рассказы см. у Джувейнй, Тәйрх-и джахәнгушай, т. I, стр. 117—140. О разорении Хорасана см. также у Сейфи («Тәйрх-наме-йи Херәт», стр. 83—90); по словам Сейфи, старики со слов очевидцев передавали, что там не было «ни людей, ни хлеба, ни продовольствия и пшеницы» (там же, стр. 83) и что «от пределов Балха до Дамгана целый год люди постоянно ели человеческое мясо, собак и кошек, ибо чингисхановцы сожгли все [продовольственные] амбары» (стр. 87).

¹²⁴ Джувейнй, Тәйрх-и джахәнгушай, т. I, стр. 102.

¹²⁵ Ибн ал-Асйр, Ал-Камиль фй-т-тәйрх, т. XII, стр. 257; СМИЗО, т. I, стр. 32.

¹²⁶ Горожане в насмешку прозвали его «ноурузовским падишахом», т. е. шутовским царем, избираемым в день празднования Ноуруза — Нового года по солнечному календарю (21 марта), наподобие «майского короля» в Западной Европе (Джувейнй, Тәйрх-и джахәнгушай, т. I, стр. 98).

¹²⁷ Там же, стр. 97. Один из них был прозван *Күх-и дурӯған* — «Гора лжи» (перс.).

¹²⁸ По Нисави («Сйрат ас-султән...», араб. текст, стр. 92; франц. пер., стр. 153; перс. версия, стр. 124), осада началась в месяце зу-л-ка'да 617 г. х. (январь 1221 г.). Согласно Ибн ал-Асиру, осада продолжалась пять месяцев. Наиболее подробный рассказ об осаде Гурганджа см. Джувейнй, Тәйрх-и джахәнгушай, т. I, стр. 97—101.

¹²⁹ Об этом говорит Джузджани («Табақәт-и Нәсирй», стр. 379), вообще враждебный к чингисидам. После смерти Чингисхана и Угэдэй не поддерживался упомянутой политики отца (подробную характеристику Угэдэя см. Джувейнй, Тәйрх-и джахәнгушай, т. I, стр. 158—195).

¹³⁰ Нисавй, Сйрат ас-султән..., араб. текст, стр. 94; франц. пер., стр. 154; перс. версия, стр. 124.

¹³¹ Так как в окрестностях Гурганджа не было камня, ядра делали из тутового дерева.

- ¹³² Джувейний, Тāйрīх-и джахāнгушāй, т. I, стр. 99—100.
- ¹³³ Ибн ал-Асйр, Ал-Кāмилъ фй-т-тāйрīх, т. XII, стр. 257; СМИЗО, т. I, стр. 32.
- ¹³⁴ Джувейний, Тāйрīх-и джахāнгушāй, т. I, стр. 100.
- ¹³⁵ Там же, стр. 100—101.
- ¹³⁶ Нисавй, Сйрат ас-султāн..., араб. текст, стр. 95; франц. пер., стр. 155; перс. версия, стр. 125.
- ¹³⁷ Ибн ал-Асйр, Ал-Кāмилъ фй-т-тāйрīх, стр. 258; СМИЗО, т. I, стр. 32—33. По словам Ибн ал-Асира, среди убитых было много приезжих купцов «и все они ушли под меч».
- ¹³⁸ Подробную характеристику Джалал ад-дина дает Нисави («Сйрат ас-султāн...», араб. текст, стр. 247—249, франц. пер., стр. 411—414; перс. версия, стр. 281—284). Им нарисован, в общем, идеализированный образ благородного и смелого героя, рыцаря ислама и непримиримого борца с «неверными». Автор не скрывает и некоторых личных недостатков своего героя. Идеализация эта искренняя, поскольку Нисави писал уже после смерти Джалал ад-дина. Ибн ал-Асир, напротив, относится к Джалал ад-дину отрицательно («Ал-Кāмилъ фй-т-тāйрīх», т. XII, стр. 325; СМИЗО, т. I, стр. 39—40). Впоследствии в представлениях мусульман Средней Азии и Ирана образ Джалал ад-дина приобрел легендарные и иконографические черты. Даже историки промонгольского направления — Джувейни и Рашид ад-дин не скрывали своего восхищения перед подвигами Джалал ад-Дина.
- ¹³⁹ ТЧРДМ, т. IV, стр. 328—332.
- ¹⁴⁰ Джувейний, Тāйрīх-и джахāнгушāй, т. I, стр. 96.
- ¹⁴¹ См. И. П. Петрушевский, Из истории Бухары в XIII в., — «Ученые записки ЛГУ», № 98 (Серия востоковедческих наук, вып. I), стр. 103—118. Там же см. ссылки на источники.
- ¹⁴² «Voyages d'Ibn Batoutah...», ed. C. Defremery et B. Sanguinetti, t. III, Paris, 1877, стр. 22 (арабский текст с параллельным французским переводом).
- ¹⁴³ О. Д. Чехович, Бухарские документы XIV в., Ташкент, 1965, док. № 1, 1326 г.
- ¹⁴⁴ «Тāйрīх-и Вассāф», литогр. изд. перс. текста, Бомбей, 1269 г. х. (1853 г. н. э.), стр. 51. Текст, русский перевод и анализ текста см. в ст. И. П. Петрушевский, Из истории Бухары в XIII в., стр. 114—117, а также в кн. В. В. Бартольд, Туркестан..., стр. 577, прим. I.
- ¹⁴⁵ В книге «Тāйрīх-и Вассāф» (стр. 69) говорится: «Было постановлено, чтобы каждый из царевичей довольствовался исчисленными тысячами [людей] и собственными мастерскими (*kārḫānehā-yi ḫāṣṣ*) в Бухаре и Самарканде». Ср. там же, стр. 68.
- ¹⁴⁶ Рашид ад-дин, Джāми'ат-таварих, т. II, изд. Э. Блоше, Лондон — Лейден, 1911, стр. 312.
- ¹⁴⁷ Анонимный автор сирийской биографии несторианского патриарха Мар Ябалаха III сообщает, что последний в 70-х годах XIII в. видел Хогтан и Кашгар опустошенными и без населения. См. «История мар Ябалаха III и раббан Саумы», иссл. и пер. Н. В. Пигулевской, М., 1958, стр. 67.
- ¹⁴⁸ Там же, стр. 70. Автор говорит, что «дороги были опасны и пути [в Китай] перерезаны».
- ¹⁴⁹ См. об этом В. В. Бартольд, Очерк истории Семиречья, Фрунзе, 1963, стр. 51 и сл. Там же см. ссылки на источники.